

Ц Е Н Т Р П О Б Е Д И Г Р А Ф

Аллен Даллес

тайная

капитуляция

Секретные переговоры
между союзниками и фашистской Германией

Тайные операции американской разведки
на территории Европы

Взаимодействие американской
и европейской разведки

Методы информационной
и психологической войны

Аллен Даллес

Тайная капитуляция

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617955

Тайная капитуляция / Пер. с англ. В.В. Шарапова.: Центрполиграф;

Москва; 2004

ISBN 5-9524-1410-9

Аннотация

Уникальная книга, написанная Алленом Даллесом – американским суперагентом, легендарным шефом ЦРУ. Автор раскрывает малоизвестные факты тайных операций американской разведки на территории Европы. Рассказывает о швейцарской, французской, итальянской разведслужбах, методах информационной и психологической войны. А также приоткрывает завесу над одним из самых напряженных и малоизвестных моментов Второй мировой войны – сепаратными переговорами между союзниками, представителем которых был сам Даллес, и высшими чиновниками фашистской Германии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Аллен Даллес

Тайная капитуляция

Глава 1

«Необходима строжайшая секретность»

За несколько дней до окончания Второй мировой войны в Европе, вечером 2 мая 1945 г., Уинстон Черчилль неожиданно для всех появился в палате общин. Там царила атмосфера напряженного ожидания. Однако премьер-министр не спешил вмешиваться в кипящие споры. Раззадоривая, по своему обыкновению, аппетит и разжигая тревогу ожидания, он просматривал свои записи, прежде чем попросить разрешения спикера сделать краткое заявление. Затем, без цветистых фраз и риторики, излагая только говорящие сами за себя голые факты, он спокойно объявил о первой крупной капитуляции немцев перед союзниками. Около миллиона человек сдались в Северной Италии. Здесь с нацизмом и фашизмом было покончено. Война на всех европейских фронтах приближалась к концу.

«Фельдмаршал сэра Гарольда Александера, – сказал Черчилль, – только что объявил, что наземные, морские и воз-

душные силы под командованием генерала фон Витенгофа, германского главнокомандующего Юго-Западным направлением и группой армий «С», согласились на безоговорочную капитуляцию. Акт о капитуляции был подписан во второй половине дня воскресенья 29 апреля в штаб-квартире союзных войск в Казерте двумя немецкими полномочными представителями и генерал-лейтенантом У.Д. Морганом, командиром штаба в ставке союзных войск. Условия капитуляции предусматривают прекращение враждебных действий с полудня по среднему гринвичскому времени 2 мая».

По залу пробежал удивленный шепоток. Члены парламента поняли, что премьер-министр держал эту важную новость в секрете с 29 апреля, когда, как он сам объявил, была подписана капитуляция. И он говорит о ней только теперь, спустя три дня. Чувствуя, что депутаты ждут объяснений, Черчилль добавил, что до последней минуты сохранялась некоторая неопределенность. «Пока не было достоверных сведений о том, что германское верховное командование отдало реальные приказы войскам, фельдмаршал Александер воздерживался от соответствующего заявления».

Затем премьер-министр сделал краткий обзор итальянской кампании. На долгом пути вверх по Апеннинскому полуострову многонациональная армия – американцы, японно-американцы, британцы и войска доминионов, французы, поляки, бразильцы, итальянцы и другие – бок о бок сражалась против упорного врага в трудных условиях гористой

местности. Этой армии выпала честь первой принудить немцев к безоговорочной капитуляции. Капитулировавшие войска, сказал Черчилль, состоят из жалких остатков двадцати двух немецких дивизий и шести дивизий итальянских фашистов. Теперь войскам союзников открылись территория всей Северной Италии вплоть до Изонцо, австрийские провинции Форальберг, Зальцбург и Тироль и отдельные участки Каринтии и Штирии. Занят весь южный фланг германских позиций в Альпах. Если у нацистов и были какие-то серьезные намерения удерживать эту горную крепость, то теперь ключ от нее вырван из их рук.

Когда Черчилль завершил свое выступление благодарностями в адрес фельдмаршала Александера, генерала Марка Кларка и подразделений всех стран, входивших в состав союзных сил в Италии, один из членов палаты общин поинтересовался обстоятельствами капитуляции. Он спросил, по собственной ли инициативе сдался немецкий генерал. Черчилль ответил утвердительно и добавил: «Некоторое время переговоры велись сугубо приватно. Надежда на успех то появлялась, то пропадала, но в последние два дня было ясно, что дело идет к концу. Впрочем, у меня и тогда не было уверенности, что в последнюю минуту все не развалится. Поэтому была необходима строжайшая секретность».

С конца февраля 1945 года, без лишней огласки, возглавляемая мною миссия Управления стратегических служб в Швейцарии и немецкие генералы в Италии обменивались

эмиссарами и посланиями. На протяжении двух решающих месяцев командующие сцепившимися в схватке противоборствующими армиями поддерживали секретные сношения через мой офис в Берне в поисках возможности закончить бои на итальянском фронте, надеясь, что это послужит прологом к общей капитуляции нацистов в Европе. Мы дали этой операции кодовое название «Восход» и лишь позже узнали, что Уинстон Черчилль, который пристально следил за всеми событиями, уже назвал ее «Кроссворд».

Нашему быстрому успеху препятствовали упрямство и безумие одного человека – Адольфа Гитлера. Несмотря на безнадежное положение своих войск, он не соглашался ни на какие капитуляции ни на каких участках фронта. Его генералы с полным основанием боялись расстаться с жизнью за всякую несанкционированную попытку прекратить кровопролитие. Это означало, что не могло быть и речи о парламентах с белыми флагами, об открытых или официальных переговорах. Вместо этого секретная разведывательная организация взяла на себя функции установления первых контактов и ведения активных переговоров с противником вплоть до момента, когда акт о капитуляции был готов к подписанию. С согласия фельдмаршала Александера мы стали каналом, по которому поддерживалась связь между союзниками и германским верховным командованием.

В то время уже существовало американское Управле-

ние стратегических служб, более известное по аббревиатуре УСС, с ясно очерченным кругом обязанностей и кадровым ядром, готовым действовать в операции по подготовке капитуляции. Этим мы обязаны проницательности и инициативе Уильяма Дж. Донована, создателя и директора УСС.

Донован был прирожденным лидером. Неуемная энергия и беспредельный энтузиазм сочетались в нем с огромным мужеством и работоспособностью. Благодаря своей способности убеждать собеседника Донован был прекрасным переговорщиком.

Донован сделал блестящую военную карьеру во время Первой мировой войны, стремительно поднявшись до полковничьих чинов в славной 69-й дивизии «Сражающихся ирландцев». За воинскую доблесть он был награжден «Почетной медалью Конгресса» и намертво приклеившимся к нему прозвищем Дикий Билл. Между двумя мировыми войнами он стал известным в Нью-Йорке адвокатом и в 1933 г. выставлял свою кандидатуру от республиканцев на пост губернатора против Герберта Лемана, который назвал кампанию Донована самой чистой из всех, что он видел. Но 1933 г. не был счастливым для кандидатов-республиканцев, и Донован пришел вторым, что стало потерей для американской политики, но большой удачей для американской разведки.

Интересы Донована не ограничивались юриспруденцией и политикой. В предвоенные годы он уже всю жизнь занимался изучением военных вопросов и планировал создание такой

разведывательной организации, которая понадобится Америке, как только она вступит в войну, – он уже чувствовал, что это неизбежно. Он всегда предпочитал получать сведения из первых рук и, если где-то возникал вооруженный конфликт, при первой же возможности приезжал туда. Так, он специально ездил в Эфиопию во время итало-эфиопской войны в 1936 г. и в охваченную гражданской войной Испанию в 1936–1937 гг.

Когда в сентябре 1939 г. разразилась Вторая мировая война, Донован был одним из немногих американцев, кто понимал изменившуюся природу современной войны. Еще в 30-х гг. он предвидел глобальный характер грядущего конфликта. Уже тогда он был убежден, что «нетрадиционная», или психологическая, война, как мы сейчас это называем, займет важное место в будущих битвах.

Он полностью разделял взгляды Уинстона Черчилля в отношении ошибочной стратегии времен Первой мировой войны. «Тупая резня политики истощения», как прозвал ее Черчилль, ярко проявилась в англо-французских наступлениях 1915, 1916 и 1917 гг., – за эти три года Франция и Британия потеряли цвет нации. «Битвы, – писал Черчилль, – выигрываются кровопролитием и маневрами. Величие генерала в том, чтобы основной составляющей победы были маневры и как можно меньше – кровопролитие». Он добавлял: «На войне есть много видов маневра, и лишь часть из них производится на поле боя. Есть маневры с глубоким обхо-

дом фланга или заходом в тыл. Есть маневры во времени, в дипломатии, в механике, в психологии, и все они отделены от поля боя, но часто играют на нем решающую роль, и цель всех этих маневров – найти для достижения главной цели пути более легкие, чем одно только кровопролитие».

Донован также отвергал идею кровавой окопной войны. Следует принудить противника, считал он, сражаться там, где он слаб, а мы сильны. Следует использовать его слабости и самим определять поле битвы. Он чувствовал, что необычная война и специальные операции обеспечат нам преимущество недовольства в стане врага, проявляющегося в бурном подпольном движении во всех, контролируемых нацистами и фашистами странах.

Донован стремился заставить своих соотечественников осознать опасность, с которой они столкнулись, когда нацистский колосс начал перекраивать карту Европы. К счастью, ему доверял президент Франклин Делано Рузвельт. Кроме того, Донован был в особенно хороших отношениях с секретарем президента по военно-морским вопросам Фрэнком Ноксом. У него часто возникали разногласия с членами Объединенного комитета начальников штабов по поводу роли разведки и проведения особых операций, но и у них он пользовался уважением и в конце концов добился сотрудничества.

Вскоре после падения Франции, жарким августовским днем 1940 г., в разгар «Битвы за Британию», Донован при-

был в Вашингтон, чтобы изложить перед Конгрессом свою точку зрения на закон о военном обучении. Неожиданно его вызвали в Белый дом. Там, на совещании у президента Рузвельта, он обнаружил государственного секретаря Корделла Халла, военного секретаря Генри Л. Стимсона и военно-морского секретаря Фрэнка Нокса. Полковник Донован понятия не имел о причинах вызова. Первым заговорил секретарь Нокс. Не мог бы Донован отправиться в Великобританию и представить президенту отчет о ситуации в этой стране, особенно в отношении следующих вопросов: будет ли Англия в одиночку сражаться с Гитлером, как обещал Черчилль? И есть ли у нее для этого средства? Если они продолжат сражаться, какую наиболее эффективную помощь может оказать им Америка? Донован должен был также собрать информацию о деятельности нацистской «пятой колонны» в Европе, и это, в частности, служило прикрытием для его главной миссии.

Судьба Британии висела тогда на волоске. Франция запросила пощады, и было подписано перемирие. Британия пережила Дюнкерк и спасла большую часть личного состава своих вооруженных сил, но, что касается военного снаряжения и необходимых для ведения войны денежных средств, то здесь она была в отчаянном положении. Президент США должен был решить, и быстро, прибегнуть ли к ленд-лизу, передаче Британии устаревших эсминцев и другим планам помощи. Президент желал получить оценку Донована – не

шансов Британии на победу, а ее готовности сражаться, если она получит нужные средства.

После серии переговоров в Лондоне с британскими лидерами Донован вернулся в Соединенные Штаты. Он выразил президенту твердую уверенность в том, что Британия будет сражаться, какими бы призрачными ни были шансы на победу. Донован не брался предсказать, победит ли Британия, но президент мог рассчитывать на решимость британцев. Донован, кроме того, предложил ряд мер для поддержки обороноспособности Британии. Позже эти меры были в основном приведены в действие Управлением по делам ленд-лиза.

Находясь в Британии, он также ознакомился с организацией и методами английской разведки. Донован был убежден, что американское военное планирование и национальная стратегия в целом будут, как никогда прежде, зависеть от разведки и что структура американских спецслужб должна быть полностью перестроена. Британцы также сообщили ему все, что знали об операциях нацистской «пятой колонны», которые сыграли огромную роль при захвате Польши, Бельгии, Голландии и Норвегии. Донован знал, что у Соединенных Штатов не было ни адекватной защиты от вражеской «пятой колонны», ни какой бы то ни было подготовки к наступательным действиям в подобных операциях. Он отчетливо ощущал, что нам необходимо быть во всеоружии на этом фронте.

В сотрудничестве с Эдгаром А. Маурером из чикагской

«Дейли ньюс» Донован опубликовал серию статей, чтобы открыть Америке глаза на опасность «пятой колонны». Эти материалы, авторами которых были указаны Донован и Маурер, появились с благословения секретаря Нокса и распространялись по всем странам мира ведущими американскими агентствами новостей.

Поездка в Англию убедила Донована еще и в том, что Средиземноморье скоро станет важнейшим для союзников театром военных действий и что исключительно важно сохранять контроль за линиями коммуникаций в этом регионе. Поэтому он активно включился в разработку операции, которая осенью 1942 года привела к успешной высадке во Французской Северной Африке. Это было именно то, что он отстаивал! Заставить нацистов и фашистов сражаться как можно дальше от родных земель и баз снабжения, вынудить их растягивать линии коммуникаций, чтобы они оказались уязвимыми для растущей морской и воздушной мощи союзников.

Донован не собирался после поездки в Англию долго задерживаться в США. Он убедил Рузвельта в обоснованности своих взглядов и в том, что Средиземноморье суждено стать решающим театром военных действий. Когда 1 декабря 1940 г. Донована вызвали в Вашингтон и президент предложил ему отправиться во вторую миссию, чтобы получить стратегические оценки экономической, политической и военной ситуации в Средиземноморье, он сразу согласился.

6 декабря 1940 г. Донован почти на три с половиной месяца отправился в поездку, во время которой покрыл 22 000 миль пути, преимущественно по воздуху, перемещаясь из одного конца Средиземноморья в другой.

По возвращении в апреле 1941 г. в отчете президенту Донован особо упирал на необходимость внедрения своих идей относительно нашей разведслужбы, и в частности касающихся психологической и политической войны, саботажа и партизанской войны. Донован рассматривал эти средства ведения войны как единое целое и представил план создания организации, которая смогла бы привести их в действие и руководить ими. В специальном разделе его отчета излагалось все, что ему удалось узнать о британских командос во время средиземноморской поездки. Он отмечал, что имперский генеральный штаб после Дюнкерка поставил себе первоочередную задачу – создание специальных сил из британских партизан. На основании этого факта Донован убеждал президента придерживаться аналогичных принципов в США. Чтобы создать, обучить и экипировать армию, способную нанести Германии поражение в открытом бою, требовалось, по мнению Донована, не менее двух лет. Тем временем Америка должна готовиться к использованию методов нетрадиционной войны.

В ту же пору, выступая в Филадельфии, Донован сказал: «Наши ориентиры были неверными. Мы говорили о помощи Британии так, словно она попрошайка у ворот, тогда как на

самом деле Британия наш щит, за которым мы имели возможность обуться-одеться и выйти наготове, — и еще она была нашей лабораторией».

Президент Рузвельт назначил специальный комитет при кабинете в составе военного и морского секретарей Стимсона и Нокса и министра юстиции Роберта Джексона, чтобы рассмотреть идеи Донована и рекомендовать план действий. В результате появился Указ от 11 июля 1941 г., подписанный президентом Рузвельтом в качестве президента и главнокомандующего армией и флотом Соединенных Штатов, об образовании Службы координатора информации под руководством Донована. В обязанности координатора входило: «собирать и анализировать всю информацию, имеющую отношение к национальной безопасности; отыскивать в поступающей информации взаимосвязи и представлять результаты президенту, а также тем департаментам и правительственным чиновникам, которые будут указаны президентом».

Заметим, что этот указ не увязывался напрямую с ведением нетрадиционной войны, хотя и предоставлял добавочные полномочия для осуществления, как отмечалось в документе, «дополнительных мероприятий, которые могут способствовать получению информации, важной для национальной безопасности». Несомненно, именно так это было истолковано Донованом. На момент подписания указа мы были формально нейтральными. До Перл-Харбора оставалось еще пять месяцев.

После Перл-Харбора был издан новый указ, по которому Служба координатора информации преобразовывалась в Управление стратегических служб с Донованом во главе. По этому указу, подписанному президентом 13 июня 1942 г., УСС подпадало под юрисдикцию Объединенного комитета начальников штабов. УСС получило, в дополнение к функциям сбора и анализа информации, полномочия «планировать и осуществлять специальные операции по указанию Штаба объединенного командования США». Теперь замыслы Донована по координации сбора стратегической информации были реализованы.

«Специальные операции» на языке разведки означали информационную войну, применение командос, поддержку партизан и использование скрытыми методами всех слабостей империй Гитлера и Муссолини в своих интересах. С включением раздела «специальные операции» в устав УСС вначале была создана разведывательная организация в Соединенных Штатах, объединившая под одной крышей работу по сбору сведений и контрразведку с поддержкой деятельности подпольных групп Сопротивления, саботажа и вообще почти всего, что могло помочь нации, но для чего не приспособлена регулярная армия. Мало кто из людей, которые сегодня горячо оспаривают мудрость таких мероприятий, может вспомнить, под каким высоким покровительством было принято это решение около 25 лет назад и какое внимание уделялось организации УСС и, позднее, ЦРУ.

Донован пригласил самых различных людей из всех слоев общества помогать ему в этой работе: военных и гражданских, администраторов и учителей, банкиров и юристов, бизнесменов и библиотекарей, писателей и издателей, спортсменов и миссионеров, перевоспитавшихся взломщиков сейфов, барменов и капитанов буксиров. Он искал людей, которые уже знали что-то полезное. Не было времени учить этих мужчин и женщин искусству разведки – война не ждала. Ему были нужны те, кто уже обладал специальными знаниями, и он находил их где только можно. Бармена брали не потому, что он хорошо смешивал коктейли, а потому, что он свободно говорил по-итальянски и был как дома на горных перевалах Апеннин. Миссионера – потому, что он знал обычаи и диалекты племен, живущих в Бирме. Специалиста-гравировальщика – потому, что агентам Донована были нужны отлично сделанные документы, чтобы пересекать линию фронта.

По одному из первых организационных планов Донована следовало разместить разведывательные аванпосты в важных дружественных и нейтральных районах Европы. Не трата лишнего времени, он сумел протолкнуть свой план через Государственный департамент, который распорядился разместить офицеров УСС в Швеции, Швейцарии, Испании, Португалии и Танжере. Часть из них была назначена в американские дипломатические учреждения в этих странах, что, естественно, встретило определенное сопротивление со

стороны профессиональных дипломатов, но Донован упорно шел своим путем. Остальные имели более сложные прикрытия.

Я попал в один из первых наборов Донована. Вскоре после Перл-Харбора он предложил мне сотрудничать с УСС и обрисовал свои взгляды на роль УСС в будущей победе. Мы обсудили ситуацию в Европе, особенно в странах, оккупированных нацистами и фашистами, где появились признаки волнений среди недовольного грубой диктатурой населения. На этих районах можно было опробовать его теории информационной и психологической войны. В этом плане меня не пришлось долго уговаривать, поскольку я был полностью согласен с его подходами в целом и понимал важность предстоящей работы.

Донован был моим старым другом. Я был хорошо знаком с ним перед войной, когда он работал в Вашингтоне в Департаменте юстиции, а потом юристом в Нью-Йорке. Донован знал, что в начале Первой мировой войны я учительствовал в школах по всему свету, а потом служил дипломатом в Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии. В Швейцарии моей подлинной задачей было снабжать Вашингтон сведениями о происходящем в Германии, Австро-Венгрии и на Балканах.

Первоначально Донован хотел, чтобы я поехал в Лондон работать вместе с ним и Дэвидом Брюсом над укреплением наших связей с британской службой разведки. Но в конце концов я убедил его направить меня в менее броское место,

где, однако, мой прошлый опыт должен был сослужить добрую службу, – в Швейцарию.

Глава 2

Миссия в Швейцарии

2 ноября 1942 г. я вылетел в Лиссабон, первый промежуточный пункт на пути к месту службы в Берне, где меня зачислили специальным помощником министра при американской дипломатической миссии (теперь – посольстве). Моей настоящей задачей, однако, был сбор информации о противнике и негласное оказание возможной поддержки силам Сопротивления, борющимся против нацизма и фашизма в областях, прилегающих к Швейцарии и находящихся под властью Гитлера или Муссолини.

Перед отправлением меня тщательно проинструктировали о целях поездки и предупредили, что я могу не добраться до места службы. США уже находились в состоянии войны с Германией, и я, конечно, не должен был пересекать территории, контролируемые нацистами. В то время единственным способом попасть из Америки в Швейцарию было лететь в Лиссабон, а затем добираться через Испанию и вишистскую Францию в Женеву. Но, уже покинув Нью-Йорк, я узнал, что секретная американско-британская операция «Факел» по высадке в Северной Африке была запланирована на первые дни ноября. В Вашингтоне мы прикинули, что сразу же после высадки нацисты немедленно оккупируют всю ви-

шистскую Францию. Их вынудит к этому военная необходимость держать под контролем французские порты на Средиземном море. Тулон могли оставить французскому флоту.

К несчастью, самолет, которым я летел в Лиссабон, из-за плохой погоды на пару дней задержался на Азорах. Я потерял драгоценное время. Высадка была близка. Из Лиссабона я вылетел в Барселону. Остаток пути через Испанию и вишистскую Францию предстояло проехать поездом. Только 8 ноября я сел на поезд в Барселоне. По пути из Барселоны к французской границе я встретил нескольких друзей-швейцарцев, и мы вместе обедали в Порт-Боу, на последней приграничной остановке, когда к нашему столику подошел швейцарский дипломатический курьер, хороший знакомый моих друзей. «Слышали новость? – воскликнул он в сильном возбуждении. – Американцы и британцы высадились в Северной Африке».

Я находился в нейтральной Испании и еще мог либо при необходимости вернуться, либо двигаться вперед в надежде, что нацисты будут несколько дней собираться с мыслями и решать, что им делать. Однако следовало учитывать, что для начала они могли захватить линии коммуникаций во Франции и останавливать поезда для обысков. Я знал, что мой маршрут проходит вблизи мест, где расквартированы значительные группировки немецких войск. Если нацисты поймут меня в вишистской Франции, лучшее, на что я могу надеяться, – это интернирование до конца войны. Дипломати-

ческий паспорт мне мало поможет. Это было трудным решением, но я двинулся вперед. Когда мы переехали границу, в городке Верьер, в вишистской Франции, меня встретили так, будто я был частью американской освободительной армии, которая пришла избавить их от нацистов. Французы были словно в бреду. Они почему-то считали, что американская армия придет из-за Средиземного моря со дня на день. А получилось так, что им пришлось ждать почти два года.

В ту ночь, пока поезд нес меня через Францию, я решил при первых же признаках немецких проверок попытаться выскочить на одной из остановок и укрыться в деревенской местности, а потом установить контакт с французским Сопротивлением и в конце концов, может быть, перебраться через границу в Швейцарию нелегально – «по-черному», как мы это называли.

В Аннемассе, на последней остановке во Франции, где все пассажиры должны были сойти, чтобы предъявить паспорта для проверки, я увидел, что кто-то в гражданском, явно немец, наблюдает за работой французских пограничников. В Вашингтоне мне говорили, что на этой границе могут быть агенты гестапо. Я оказался единственным среди пассажиров, кто не прошел досмотр. Гестаповец аккуратно записал в блокнот мои паспортные данные, а через несколько минут французский жандарм объяснил мне, что только что получен приказ из Виши задерживать на границе всех американцев и англичан и докладывать о них прямо маршалу Пе-

тену. Я отвел жандарма в сторонку и произнес самую страстную и, по-моему, самую проникновенную в жизни речь по-французски. Лафайет с Першингом перевернулись бы в гробах, услышав, как я доказываю жандарму, что пропустить меня совершенно необходимо. У меня действительные паспорт и виза, и нет оснований меня задерживать. Я уверял его, что у маршала Петена сегодня масса забот и без меня. Я как бы невзначай показал ему содержимое моего бумажника. Но ни патриотические речи, ни подразумеваемое предложение подзаработать, похоже, на него не подействовали. Он отошел позвонить, оставив меня стоять на платформе. Я начал приглядываться к обстановке, надеясь осуществить свой план и смыться, пока меня не схватили. Это выглядело делом непростым.

Наконец, где-то около полудня, когда поезд вот- вот должен был отправиться в Женеvu, жандарм подошел ко мне, спешно указал мне жестом на вагон и прошептал: «Allez passez. Vous voyez que notre collaboration n'est que symbolique». («Проходите. Вы видите, что мы сотрудничаем [с немцами] лишь символически».) Гестаповца нигде не было видно. Позднее я узнал, что каждый день, ровно в полдень, он уходил в ближайшее кафе выпить пива и пообедать. Ничто, включая высадку в Африке, не могло нарушить немецкого распорядка дня. Французские власти изобразили желание звонить в Виши, поскольку им было приказано так делать, но, как только гестаповец оставил свой пост для по-

луденной сиесты, они стали вольны действовать на собственное усмотрение – и действовали. Через несколько минут я легально пересек французскую границу. Я оказался одним из последних американцев, кому это удалось, – вплоть до освобождения Франции.

В Берне я нашел квартиру на Херренгассе, в восхитительно красивом, старинном районе швейцарской столицы возле собора. Эта мощенная булыжником улица со сводчатыми галереями шла вдоль гребня горы высоко над рекой Аар, рядом с тем местом, где я жил и работал 24 года назад в конце Первой мировой войны. Тогда я, молодой дипломат, приобрел в Швейцарии первые навыки работы разведчика. Между моей квартирой и рекой, на обрывистом берегу росли виноградники, которые идеально укрывали посетителей, не желавших, чтобы кто-то видел, как они входят в мою парадную дверь на Херренгассе. С террасы наверху открывался захватывающий вид на всю гряду Бернских Альп.

Я пробыл в Швейцарии всего несколько недель, когда одна весьма уважаемая и популярная газета, встревоженная необычными обстоятельствами моего приезда, опубликовала статью, где меня называли «личным представителем президента Рузвельта», прибывшим со «специальным заданием». Такое лестное обозначение моей миссии, при всей его туманности, распространилось повсеместно, и, даже если бы я захотел его опровергнуть, вряд ли мне бы это удалось. Публичное отречение просто придало бы рекламу сообщению.

Конечно, в результате к моим дверям потянулись поставщики информации, всякого рода добровольцы и искатели приключений, шпионы – профессионалы и дилетанты, хорошие и плохие. Донован придерживался принципа, что его основные представители не должны уходить в подполье, по той весьма убедительной причине, что делать это бесполезно, а лучше дать людям знать, что занимаешься разведкой, и рассказать, где тебя найти. Добровольная услуга швейцарской газеты воплотила данный принцип в жизнь в кратчайшие сроки, хотя и не совсем на тех условиях, которые мне нравились.

Объемы моей работы стремительно росли, и я начал отчаянно нуждаться в подкреплении. Было очевидно, что теперь, когда все швейцарские границы перекрыты зонами нацистской и фашистской оккупации, я не мог рассчитывать на поддержку из Вашингтона. Поэтому я взял себе в помощь нескольких американских чиновников, находившихся в Швейцарии, чьи первоначальные задания в той или иной степени устарели после изоляции Швейцарии. Это были мужчины и женщины из различных американских правительственных департаментов – например, Совета по экономической войне. Но большинство помощников, которые проработали со мной в Швейцарии следующие несколько лет, я нашел среди американцев, по разным причинам проживавших в этой стране в частном порядке и застрявших там после внезапного закрытия границы. Кто-то работал в

печально умиравшей Лиге Наций в Женеве. Кто-то лечился в Швейцарии. Некоторые просто путешествовали и оказались в ловушке, застигнутые врасплох войной и нацистской оккупацией вишистской Франции.

Один из них, Геро фон Шульце Гаверниц, сыграл огромную роль в том специфическом предприятии, которому посвящена эта книга. Гаверниц – натурализованный американец, немец по происхождению, у которого в Швейцарии были деловые интересы и семейные владения. Он остался там после начала войны во многом потому, что надеялся рано или поздно каким-то образом послужить делу освобождения Европы от гитлеровской диктатуры. Гаверниц был высоким, красивым мужчиной, слегка за сорок, привлекательный внешне и умеющий быстро приобретать друзей. Все годы Второй мировой войны, что я провел в Швейцарии, мы постоянно работали вместе, и он был моим ближайшим соратником, когда дело касалось взаимодействия с антигитлеровским Сопротивлением.

Отец Гаверница был известным немецким профессором-политологом, членом последнего германского рейхстага от либерального крыла. В до- гитлеровские времена он помогал составлять Веймарскую конституцию и посвятил значительную часть жизни воплощению в жизнь идеи американо-британско-германского сближения как самого верного пути к международной безопасности. Я был с ним хорошо знаком в 1916 г., когда работал в нашем берлинском посоль-

стве перед вступлением Соединенных Штатов в Первую мировую войну.

Благодаря своей семье и личным качествам младший Гаверниц обзавелся прекрасными связями с членами подпольной оппозиции Гитлеру в самой Германии. Пока Америка была нейтральной, он часто ездил из Швейцарии в Германию и налаживал эти связи. Одного его имени было достаточно, чтобы обеспечить нам выгодные позиции в установлении контактов с участниками главного заговора против Гитлера, кульминацией которого стало неудавшееся покушение 20 июля 1944 г. По своему темпераменту, убеждениям и манере общения Гаверниц идеально подходил для работы с немцами в трудной психологической ситуации, которая, как правило, возникает, когда в военное время пытаешься что-то втолковать своему противнику.

Гаверницем во многом двигала его убежденность в том, что нацизм не настолько глубоко проник в сознание немцев, как были склонны считать многие, что были люди в Германии, даже на высоких военных и гражданских постах, готовые поддержать любое реальное предприятие, которое позволило бы избавиться от Гитлера и нацистов и положить конец войне. Он подружился со многими видными немцами и австрийцами, которые искали в Швейцарии убежища от нацистских преследований, а также с антифашистами из Германии, посещавшими Швейцарию. Двумя наиболее примечательными людьми, с которыми он меня познакомил, были

Ганс Бернд Гизевинус, сыгравший драматическую и опасную роль связного между моим офисом и заговорщиками «20 июля», и д-р Вильгельм Хёгнер, мой бесценный советчик по внутригерманским делам, который, между прочим, был прокурором по делу «некоего Адольфа Гитлера» после неудавшегося мюнхенского путча 1923 г., и поэтому стал одной из первых жертв нацистских преследований. Прочие противники Гитлера в Швейцарии снабжали нас полученной от оставшихся на вражеских территориях друзей информацией о положении дел в оккупированной Европе, включая кое-какие жизненно важные сведения о расположении немецкого секретного арсенала ракет «Фау-1» и «Фау-2» в Пенемюнде на Балтийском море.

Разведывательные данные, какими бы ценными они ни были, конечно, никому не нужны, если не переправить их в руки тех, кто может извлечь из них пользу. С самого начала одной из моих главных забот была связь между моей миссией в окруженной со всех сторон врагами стране и центрами УСС, которым я был подотчетен, – Вашингтоном, Лондоном и Ставкой союзных сил в Казерте, в Италии. Наши агенты во Франции, Германии и Италии находили способы проникать через швейцарскую границу, но информацию, которую они, рискуя жизнью, собирали для нас, следовало немедленно отправлять в разведцентры, расположенные за тысячи миль.

Пока Франция не была очищена от немцев и мы не смогли вновь пользоваться услугами официальных курьеров, пере-

правлять секретные рукописные материалы из Швейцарии в Соединенные Штаты было, конечно, рискованно. Поэтому приходилось полагаться на кодированные дипломатические сообщения, отсылаемые через швейцарские коммерческие радиостанции. Это был быстрый канал связи, но он не позволял посылать длинные обзоры и аналитическую информацию, так как наши немногочисленные шифровальщики могли обработать ограниченное количество слов в сутки. У нас была также трансатлантическая радиотелефонная связь с Вашингтоном, которую швейцарцы оборудовали скрамблером – устройством искажения речи. Мои телефонные отчеты ограничивались обзорами газет и другими несекретными материалами. Они, несомненно, были доступны для самих швейцарцев, но, как мы надеялись, не для немцев, если только те не побеспокоились о том, чтобы перехватывать их и снимать скрамблинг, что, как мы всегда полагали, они умели делать¹.

Примечательная операция, которая облегчила нам связь с партизанами в Северной Италии и переправку людей и припасов в Швейцарию и обратно, была проведена в местечке под названием Кампионе. Это итальянский анклав площадью около 15 квадратных километров на озере Лугано,

¹ У меня был случай, когда на званом обеде высокопоставленный швейцарский чиновник повторил мне с улыбкой фразу, которую я перед тем произнес в телефонном разговоре с Вашингтоном. Зная, что швейцарцы слушают мои разговоры со штаб-квартирой, я обычно старался включить в мои отчеты несколько фраз специально для того, чтобы их услышали швейцарцы.

до которого можно добраться на лодке из города Лугано и полностью окруженный швейцарской территорией и про- странством озера. В нормальные времена самым прибыль- ным здешним бизнесом было содержание казино, на что швейцарцы, не разрешавшие азартные игры в собственной стране, смотрели сквозь пальцы.

Нам стало известно, что гарнизон Кампионе состоял из шести карабинеров, чья верность фашизму была не столь велика, чтобы рисковать собственными головами в борьбе против шестисот антифашистски настроенных местных жи- телей, которые, как мы узнали, охотно утопили бы их в озере. Как-то темной январской ночью 1944 г. в Кампионе по воде было тайно переправлено оружие для 20 человек и несколько сотен ручных гранат. Изумленные карабинеры сдались без звука. Кампионе радостно отпраздновал свое вступление в союз с Южной Италией короля Виктора-Эммануила, сотрудни- чавшего с союзниками, а наши агенты устроили в анкла- ве свою точку, установив рацию для связи с партизанскими соединениями в горах и организовав тренировочный лагерь для партизан, который мы не могли открыть в Швейцарии. После обучения партизаны уходили из Кампионе, пересекая на берегу примерно 300 метров швейцарской территории, чтобы оказаться в контролируемой немцами части Италии и присоединиться к антифашистским партизанским отрядам.

Население Кампионе не просчитало, однако, как следу- ет экономические последствия своей революции. Отрезан-

ные от фашистской Италии, они столкнулись с финансовыми проблемами и обратились ко мне за помощью в таких масштабах, о которых я даже заикнуться не мог. Впрочем, кризис был преодолен благодаря мудрой затее самих руководителей Кампионе. С нашей помощью они организовали выпуск специальной серии марок, посвященных объединению анклава с Итальянским королевством. Марки, естественно, стали мечтой всех коллекционеров. Их было продано столько, что ими можно было бы оплатить письма всех чемпионов до седьмого колена. В результате удалось выручить достаточно денег, чтобы покрыть бюджетный дефицит. Все жители были теперь при деле, безостановочно рассылая письма по всем странам мира, поскольку коллекционеры желали иметь погашенные марки.

К середине лета 1944 г. успешное вторжение союзников во Францию положило конец нашему сотрудничеству с французским Сопротивлением, которое теперь имело прямой контакт с военной администрацией союзников. Эта работа занимала большую часть моего времени с момента прибытия в Швейцарию. Мы с коллегами проводили целые дни с руководителями, бойцами и курьерами отрядов маки и других организаций Сопротивления, пробиравшимися из Франции в Швейцарию и обратно в тяжелые месяцы 1943-го и начала 1944 г. Мы передавали им деньги, устраивали сброс на парашютах оружия и припасов, обсуждали планы их взаимо-

действия с союзниками при движении тех через Францию. Группы, с которыми мы работали, из департамента Верхней Савойи, примыкающего к Швейцарии, помогали расчистить путь для американского продвижения на север после высадки на побережье Южной Франции в июле 1944 г.

Подобным же образом мы работали и с итальянскими партизанами. Руководители партизан проходили через горный участок границы в Тичино, италогворящем кантоне Швейцарии, и обращались к нам со своими просьбами и планами. Мы сбрасывали с самолетов припасы для их осажденных горных баз.

Положение итальянских партизан было трудным. Немцы долго держали оборону у Монте-Кассино и упорно цеплялись за каждую пядь земли при отступлении, поэтому на протяжении двух трудных зим (1943/44-го и 1944/45 гг.) партизаны на севере Италии не могли действовать в прямом контакте с войсками союзников, все еще не продвинувшимися к районам, где они окопались. Какие-либо активные действия, кроме спорадических налетов на немецких оккупантов, были для партизан равносильны самоубийству.

Моя работа в тот период в основном заключалась в моральной и финансовой поддержке, необходимой партизанам, чтобы продержаться до прихода союзников. Итальянский темперамент – вот что осложняло задачу. В оккупированной Северной Италии все антифашистские политические партии, включая коммунистов, объединились и сформиро-

вали Комитет освобождения Северной Италии (КОСИ), и мне приходилось иметь дело с лидерами этого Комитета. Самым известным среди руководителей КОСИ и одним из основных идеологов военных операций был Феруччио Парри, первый послевоенный премьер-министр Италии. В подполье его звали «генерал Маурицио», а мне и моим коллегам он был известен как Артуро. Это был ученый и политик с толстыми очками на носу и непокорной шапкой волос, преждевременно поседевших в результате длительного заключения и дурного обращения в фашистской тюрьме. Парри был человеком, которого боялся Муссолини, – бескомпромиссно честный, страстно преданный делу свободы, но очень темпераментный. Его штаб располагался в Милане, и, хотя мы поддерживали связь через секретных курьеров, Парри, чтобы повидаться со мной и моими британскими коллегами, время от времени сам неосмотрительно посещал Швейцарию, рискуя быть задержанным на постах пограничного контроля.

В конце 1944 г., в то время, когда моральный дух партизан особенно нуждался в поддержке, мы организовали визит миссии КОСИ с Парри во главе в Ставку союзных сил в Казерте. Маршрут их был единственно возможным на то время. Вначале они нелегально перебирались из Швейцарии во Францию, где после эвакуации нацистов УСС имело свои базы и посадочные полосы. С одного из таких аэродромов во Франции участники миссии вылетели в Ставку союзных сил в Казерте. Верховный командующий союзных сил в Сре-

диземноморье официально признал полномочия КОСИ как военной организации, действующей согласованно с армиями союзников, и дал ей задание по поддержанию закона и порядка на территориях, с которых рано или поздно уйдут немцы.

Миссия КОСИ вернулась тем же маршрутом, заметно ободренная оказанными ей союзниками доверием и поддержкой. Но затем случилось несчастье. Несмотря на все меры безопасности, принятые для того, чтобы скрыть отъезд из Италии и возвращение миссии КОСИ, немцы что-то заподозрили и провели серию внезапных нападений на все подозрительные центры Сопротивления. К сожалению, им удалось захватить Парри. Это вызвало жестокий кризис в КОСИ. Предполагалось, что при задержании Парри к немцам попали его бумаги. Необходимо было прекратить исполнение всех оперативных планов, поскольку многие из них значились в находившихся у Парри документах. Так часто делали, если лидеры Сопротивления попадали в руки врага.

Один из самых лихих молодых активистов КОСИ Эдгардо Соньо (ныне итальянский дипломат) попытался освободить Парри из миланского отеля «Реджина», переодевшись вместе с тремя соратниками в форму СС и забравшись в отель с соседней крыши через чердачное окно. Его перехватила охрана, он был избит и после допроса сам оказался в заключении, а Парри перевели в более надежную тюрьму СС в Вероне. Вызволить его оттуда силой не было никаких шан-

сов. Руководители КОСИ, находившиеся с нами в контакте, попросили меня попытаться связаться с немцами по разведывательным каналам и предложить им обменять Парри на нескольких важных немецких пленников. Просьба была невыполнимой, однако вскоре нам совершенно неожиданно представилась возможность добиться освобождения Парри. Впрочем, эта история должна подождать своей очереди.

С самого начала было очевидно, что в отношении Германии наша работа будет носить иной характер. В Германии было несколько оппозиционных групп на высоком уровне, но партизан, как во Франции или Италии, там не было. Наш лучший источник информации в Германии образовался летом 1943 г. в лице одного дипломата, имевшего доступ к таким вещам, о которых любой разведчик может только мечтать. Джордж Вуд (наше кодовое имя этого человека) был не просто нашим лучшим источником сведений, но, несомненно, одним из лучших секретных агентов в истории разведки. Он был чиновником германского министерства иностранных дел в Берлине, и в его обязанности входило просматривать и распределять для исполнения телеграммы, которыми обменивались министерство иностранных дел и германские дипломатические учреждения во всем мире. Переписка с германскими военным и воздушным атташе в Токио велась, в общем, также по каналам министерства иностранных дел, поэтому Вуд смотрел и ее тоже, а она имела огромную ценность, так как война на Дальнем Востоке еще

не закончилась. Его часто посылали в качестве курьера министерства иностранных дел в Швейцарию, а также в другие дипломатические представительства, и именно во время такой курьерской поездки Вуд сумел установить контакт с нами, уверенный, что таким путем сможет внести свой вклад в свержение ненавистного ему нацизма.

В Берлине Вуд рыскал по папкам с официальными телеграммами и копировал или фотографировал (делал микрофильмы) все, что считал важным для нас. Затем он вывозил копии в закрытом дипломатическом портфеле вместе с материалами, которые доставлял в германское представительство в Берне, или отсылал их нам по почте по секретным каналам. Невозможно перечислить все, что мы от него получили. Вуд передал нам информацию о тактико-технических характеристиках «оружия победы», об эффективности бомбардировок авиации союзников, о планах Германии, о постепенном ослаблении всей структуры нацистского режима. Генерал Донован был настолько высокого мнения об этих материалах, что передавал многие из них прямо президенту Рузвельту.

Несколько выдержек из отосланного мною в Вашингтон в апреле 1944 г. сообщения о материалах Вуда дадут читателю представление о том, что, по его сведениям, творилось в высших нацистских кругах.

«Искренне сожалею, что Вы в настоящее время не можете видеть материалы Вуда такими, как они есть, не ужатыми и

без сокращений. Примерно на 400 страницах, посвященных внутренним маневрам германской дипломатии за последние два месяца, представлена картина надвигающейся гибели и окончательного крушения. В замученный Генеральный штаб и в полумертвое Министерство иностранных дел потоками идут горестные жалобы из множества дипломатических учреждений. Это сцена, где изможденная секретная служба и дипломаты делают все возможное, чтобы совладать с пораженчеством и дезертирством открыто неповинующихся сателлитов и союзников и непокорными нейтралами. Миновали времена секретной службы под руководством Канариса² и дипломатии под руководством торговца шампанским. Уже пропал из виду Канарис, и в Берлине спешно было созвано совещание в попытках залатать зияющие дыры в абвере. Лишенный теперь возможности прибегнуть к излюбленному способу уходить от беспокоящих кризисных ситуаций завалившись в постель, Риббентроп дал отбой Фушлю и задержал большинство его основных помощников в Зальцбурге. Остатки Министерства иностранных дел растянулись на всем пути от Ризенгебирге до столицы. Условия работы здесь были почти невозможными, и шифровальные работы сплошь и рядом велись в бомбоубежищах. Как только расшифровывали очередное сообщение, начинались лихорадочные поиски той службы или министра, которому

² Адмирал Вильгельм Канарис был главой германской службы военной разведки и контрразведки, известной под названием «абвер».

следовало передать документ, а когда был готов ответ, снова приходилось выяснять, куда его направить.

Последние предсмертные конвульсии разлагающейся нацистской дипломатии отражены в этих телеграммах. Изучая эти сообщения, читатель переносится из одной эмоциональной крайности в другую и видит безжалостность немцев в их последнем припадке жестокости к людям, за пять лет тщетной борьбы так безнадежно и трагично запутавшихся в сетях гестапо. И в то же время видит абсурдность дилеммы, с которой сталкивается сейчас эта дипломатия и внутри, и вне Festung Europa (Европейской крепости. – *Перев.*).

Это послание с описанием распада в Германии вызвало удивление в Вашингтоне, и оттуда немедленно последовал вопрос, не желаю ли я по зрелом размышлении несколько смягчить краски. Я стоял на своем и не желал ничего менять, однако отметил, что ни в коем случае не утверждаю, будто моральный дух немецких армий близок к нулю, а лишь говорю о том, что психологическая власть фашистов над Европой начинает давать трещины и машина разведки нацистского государства уже работает со скрипом.

Среди материалов Вуда была одна исключительно важная копия телеграммы, имевшая прямое практическое значение. В ней германский посол в Турции фон Папен с гордостью рапортовал Берлину (в ноябре 1943 г.), что через «важного немецкого агента» добыты сверхсекретные документы из по-

сольства Великобритании в Анкаре. Агентом был, конечно, знаменитый Цицero, камердинер британского посла, сумевший выкрасть ключи от личного сейфа посла и сфотографировать хранившиеся там документы. Я немедленно известил об этом английских коллег, и пара инспекторов службы безопасности тут же отправилась в посольство в Анкаре и поменяла сейфы и комбинации замков, парализовав тем самым действия Цицero. Ни немцы, ни Цицero так и не узнали, чему обязаны визитом службы безопасности, который был обставлен как рутинное, обычное мероприятие. Так наша кража из сейфов министерства иностранных дел в Берлине через агента, известившего американцев в Швейцарии, положила конец кражам немецкого агента из сейфа британского посла в Турции.

Во время Второй мировой войны швейцарский нейтралитет подразумевал, что Швейцария не должна была намеренно ввязываться в конфликт на одной из сторон или поддерживать какую-либо сторону в военном или невоенном плане. Это не значило, что Швейцария не будет защищаться в случае нападения или что она обязана лояльно относиться к нацизму. С самого начала было ясно, что Швейцарии незачем бояться западных союзников, и неприятностей можно ждать от нацистской Германии, которая по меньшей мере дважды рассматривала возможность вторжения в Швейцарию: первый раз в 1940 г., прежде чем падение Франции открыло две-

ри на Запад, а второй – в 1943 г., в критические дни сражения в Северной Африке.

На пике мобилизационной готовности Швейцария имела под ружьем или в резерве 850 тысяч человек, пятую часть всего населения. Командовал этими силами генерал Анри Гизан, выдающийся патриот. Швейцарии не пришлось воевать благодаря ее непокорности и привлечению для самообороны огромных людских и материальных ресурсов. Немцы, несомненно, дорого заплатили бы за свое вторжение в Швейцарию.

Когда в 1940 г. силы Оси полностью окружили Швейцарию, ее оборона стала базироваться на стратегическом предположении, что основные города и промышленные районы не удастся защитить от немецкого наступления. Поэтому оборонительные силы концентрировались в альпийских крепостях, куда была оттянута значительная часть швейцарской армии. Система фортификационных сооружений, тоннелей и подземных складов сильно затруднила бы любому противнику задачу выкорчевывания швейцарцев из их цитаделей. Более того, швейцарцы сами уничтожили бы железнодорожные тоннели под Альпами, столь нужные немцам для доставки припасов в Италию. Об этом было объявлено публично, и немцы вынуждены были учитывать, что вторжение в Швейцарию может принести им больше потерь, чем приобретений.

В тяжелые дни 1940 г. кое-кто в швейцарском правитель-

стве склонялся к поиску компромиссов, чтобы избежать открытого конфликта с Германией. Однако патриотически настроенные офицеры швейцарской армии твердо отстаивали идею сопротивления немцам любой ценой. Среди них было несколько человек из высшего состава военной разведки, хорошо информированных о намерениях немцев относительно Швейцарии.

Возглавлявшаяся капитаном Максом Вайбелем и Гансом Хаусаманом разведывательная организация, известная под названием «Бюро Ха» (по первым буквам фамилии Хаусамана), имела все основания считать, что немецкие агенты используют все, вплоть до физической силы, чтобы не позволить генералу Гизану отдать швейцарской армии приказ об обороне страны. Хаусаман и другие офицеры, включая Макса Вайбеля, который позже сыграл важную роль в этой истории, зашли настолько далеко, что заключили тайное соглашение с целью взять на себя верховное командование, если высшее офицерство не захочет противостоять вторжению немцев в Швейцарию. За этот патриотический акт неподчинения некоторые из них были приговорены к небольшим срокам ареста, — невеликая цена, если учесть, что твердая позиция этих офицеров укрепила моральный дух швейцарцев и их желание сопротивляться врагу.

В отношении моей миссии швейцарцы официально соблюдали внешнее подобие нейтралитета, но это был благожелательный нейтралитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.